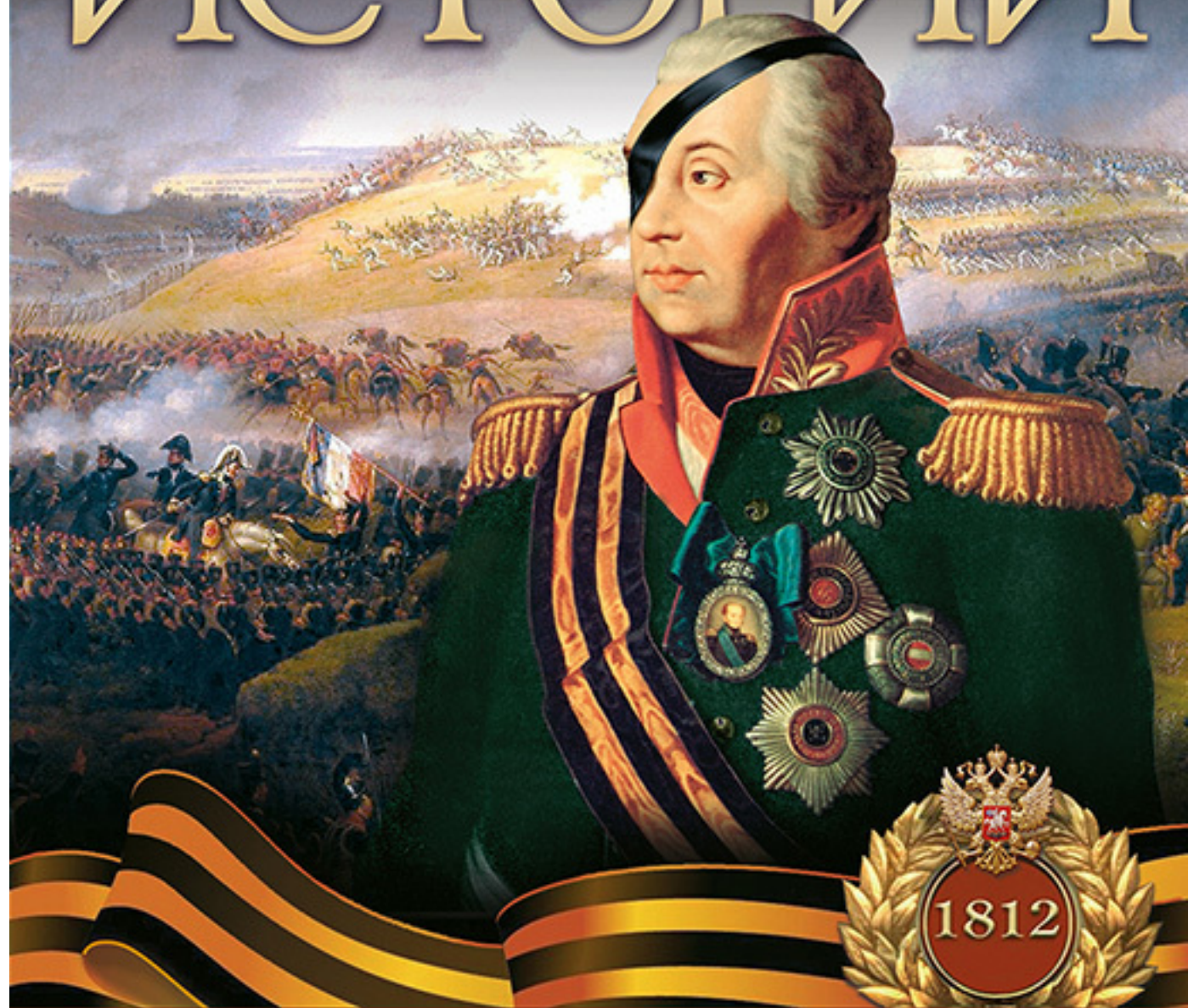

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

НАСТУПЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА НА ПЕТЕРБУРГ

- ВИТТЕНШТЕЙН ПЕТР ХРИСТИАНОВИЧ • НАПОЛЕОН И УКРАИНА
- ТОРМАСОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ • БАГРАТИОН ПЕТР ИВАНОВИЧ
- ПОТЕРЯ МОСКВЫ • КТО ПОБЕДИЛ НАПОЛЕОНА В РОССИИ?
- ОТСТУПЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА

Александр Кириенко

**Загадки истории.
Отечественная война 1812 года**

«ОМІКО»

2015

Кириенко А. Ю.

Загадки истории. Отечественная война 1812 года /
А. Ю. Кириенко — «ОМІКО», 2015

Начало XIX столетия ознаменовалось наполеоновскими войнами, которые изменили облик Европы. Но конец перекраиванию карты континента положила война Наолеона с Российской империей. Эту войну в России назвали Отечественной. Об Отечественной войне 1812 года очень много написано и рассказано, и нам порой кажется, что мы знаем о ней все. Но так ли это? Этот период таит в себе немало загадок. Кто же все-таки победил в Бородинском сражении? Только ли Кутузов был главным «архитектором победы» России? Кто и почему сжег Москву? Как вели себя солдаты и офицеры наполеоновской армии на завоеванной территории Российской империи и почему встретили столь яростное сопротивление простого народа? Существовал ли клад Наполеона или это лишь красивая легенда? Ответы на эти и многие другие вопросы вы найдете на страницах нашей книги.

ББК 63.3

Содержание

«Взять Россию за голову»: наступление Наполеона на Петербург	6
«Приготовляли и расчищали путь»: французская разведка	7
«Вавилонское столпотворение»: переправа французов через Неман (начало наступления)	10
«Ты был неколебим пред общим заблуждением»: тактика «выжженной земли» М. Баркляя-де-Толли	14
«Штурмовать жестоким образом»: осада Динабургской крепости	17
«Вельможа в случае»: Витгенштейн Петр Христианович	19
«Спаситель Петрополя»: Сражение под Клястицами	20
«Русские были сильно атакованы»: первое сражение под Полоцком	22
«Начало изгнания наполеоновских войск с белорусской земли»: второе сражение под Полоцком	25
«Взять Россию за ноги»: Наполеон и Украина	27
«Лепет подвыпивших шляхтичей»: Наполеонида	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Загадки истории. Отечественная война 1812 года

© И. А. Коляда, В. И. Милько, А. Ю. Кириенко, 2015

© Издательство «Фолио», 2007

* * *

«Русское государство так велико, что позволяет играть «в кошки и мышки» с неприятельской армией; на этом и должна базироваться в основном идея его обороны против превосходящих сил неприятеля. Отступление в глубь страны завлекает туда же неприятельскую армию, оставляя в ее тылу обширные пространства, которые она занять не в состоянии. А затем уже не встретится никаких препятствий к тому, чтобы отступление, которое прежде шло от границы внутрь страны, начать в обратном направлении, из внутренних областей к границе, и, таким образом, вновь дойти до нее совместно с ослабленной неприятельской армией».

К. Клаузевиц «1812 год»

«Взять Россию за голову»: наступление Наполеона на Петербург

Война 1812 года (именуемая Отечественной войной) занимает особое место как в череде Наполеоновских войн в Европе, так и в истории Российской империи. После неудачных для русской армии военных кампаний 1805, 1806 и 1807 гг. император Александр I подписал предложенный французским императором Наполеоном Тильзитский мир, который установил союз между двумя крупнейшими на то время европейскими державами.

В частности, Россия обязывалась выполнить следующие условия:

- признать все завоевания Наполеона;
- присоединиться к континентальной блокаде против Англии (по условиям секретного соглашения), то есть практически полностью отказаться от торговли;
- помогать Франции во всякой наступательной и оборонительной войне, где это требуют обстоятельства;
- вывести войска из Молдавии и Валахии, которые были завоеваны у Турции;
- не препятствовать Наполеону в установлении контроля над Ионическими островами (которые уже через несколько месяцев вошли в состав Иллирийских провинций Франции).

Кроме этого, по условиям Тильзитского мира 1807 г. на территории польских владений Пруссии было образовано герцогство Варшавское, фактически зависимое от Франции; а также уменьшалась территория Пруссии (от нее отошли польские области), которая хоть и сохранила самостоятельность, но тоже попала в зависимость от Франции. Среди других, имевших влияние на международную обстановку решений следует выделить признание Россией Рейнского союза; Жозефа Бонапарта – королем Неаполитанским, Людовика Бонапарта – королем Голландским, Жерома Бонапарта – королем Вестфальским. Франция же переставала оказывать помощь Турции в русско-турецкой войне 1806–1812 годов.

Условия мирного договора, по мнению российского дворянства и военных, были унижительно и даже позорны для Российской империи. Поэтому уже на Эрфуртском конгрессе 1808 г. (переговоры между Наполеоном и российским императором Александром I) были закреплены некоторые предыдущие договоренности, согласно которым к России отошла Финляндия и некоторые другие территории. При этом Наполеон получил возможность для покорения всей Европы. И уже в ходе так называемой Войны пятой коалиции французские войска после ряда аннексий, произведенных, главным образом, за счет австрийских земель, приблизились к границам Российской империи.

«Приготовляли и расчищали путь»: французская разведка

Уже в первой половине 1810 г. в Российской империи возникли обоснованные подозрения в том, что война с Наполеоном неизбежна. Фактически с этого времени началась активная работа французской разведывательной службы. Следует учитывать, что разведка находилась под особым контролем Наполеона, который лично анализировал всю информацию и, соответственно, активно ею пользовался.

Достаточно основательные сведения о французских шпионах перед началом войны 1812 г. оставил генерал-майор артиллерии Илья Тимофеевич Радожицкий. В частности, он указывал следующее: «стали ловить на Несвиже шпионов, являвшихся под видом комедиантов, фокусников, странствующих монахов и тому подобных. Кажется, в правилах великого Наполеона было, перед начатием войны с каким-либо государством, впускать в него сперва легионы шпионов и зажигателей, которые приготавливали и расчищали путь для его победоносного воинства. Наиболее этих шпионов являлось тогда под видом землемеров, или, польски, коморников, которые попеременно с нашими офицерами Квартирмейстерской части снимали ситуацию окрестностей Несвижа инструментально... Между тем как шпионы разгуживали в пограничных местах Европейской России и поджигали в городах лучшие здания, Кабинеты союзных Держав находились в чрезвычайной деятельности, истощая всю тонкость Дипломатики для утверждения политических прав своих Государей, и два могущественных Государя-соперника грозно сближали свои воинства к пределам подвластных им земель».

Накануне начала похода в Россию общее руководство сбором информации о противнике было возложено на министра иностранных дел Франции Юг-Бернара Маре и командующего французскими войсками в Северной Германии маршала Луи-Николя Даву. Именно в штаб-квартиру последнего, которая находилась в Гамбурге, поступала вся секретная информация о российской армии.

Уже в декабре 1811 г. в Данциге был создан филиал французской разведки под руководством генерала Рапа. В его обязанности входил преимущественно военный шпионаж, допросы дезертиров, путешественников и торговцев, которые вернулись из России. При этом, исходя из стратегических соображений, особое внимание уделялось дислокации и передвижениям армий будущего противника.

Но кто же предоставлял наиболее полную информацию о состоянии российской армии императору Бонапарту? Как это часто бывает, одним из основных поставщиков шпионской информации о России было французское посольство в Петербурге. Бывшие в то время послами Арман де Коленкур и Жак Александр Ло де Лористон являлись также и резидентами французской разведки. В частности, последний поддерживал тесную связь с разными агентами и регулярно докладывал в Париж о политических событиях в России, передвижениях войск и т. д. В своих мемуарах Коленкур представил себя противником ведения дипломатии подобными средствами, но при этом не отрицал, что дипломатические чиновники были тесно связаны с разведывательными службами Франции.

Кто еще, кроме дипломатов, профессиональных шпионов, помогал императору в получении необходимой информации о «стране варваров»? Следует отметить, что кроме штатных агентов Наполеон пользовался и услугами «приглашенных» лиц. Среди них был археолог Жан Лажар. Известно, что в начале 1810 г. у Наполеона состоялась личная встреча с Лажаром, на которой император посоветовал археологу возвратиться с очередных раскопок не обычным путем (через Турцию – Балканы – Италию), а кружным – через Каспий, по Волге, через Москву, Петербург, Прибалтику и Варшаву. Выполняя это «пожелание», Лажар, посетив Российскую империю, получил массу разведывательных сведений – о рекрутских наборах, системе управления армией, о местах основной дислокации войск.

Наполеон не жалел денег на разведку. Собранные данные систематизировались и анализировались в специально созданном в 1811 г. при министерстве иностранных дел информационно-статистическом отделе, возглавляемым дипломатом и разведчиком Лелорнь д'Идевилем, который ранее служил во французском посольстве в Петербурге и, соответственно, знал русский язык.

Непосредственно перед началом похода в Россию французская разведка усердно старалась расширить диапазон своей деятельности. С этой целью производилась относительно массовая засылка агентов на всем протяжении российской границы. Часть из них была обезврежена контрразведкой. Так, в начале 1811 г. был раскрыт некий Саван, которого даже удалось перевербовать. Впоследствии практически в течение двух лет он доставлял особому разведывательному бюро (его возглавлял историк и дипломат Л. П. Биньон) дезинформацию. Что касается упомянутого подразделения, то в его структуру входили три офицера, знавшие языки и имевшие опыт боевых действий. Они соответственно руководили отделами, касающимися территорий: 1) Украины; 2) Литвы и Белоруссии; 3) Прибалтики. Каждому из них подчинялись по 12 агентов, которые следили на дорогах за передвижениями русских войск, наблюдали за строительством крепостей, доставляли через границу собранные сведения. Кроме этого в компетенцию «бюро Биньона» входили военный шпионаж, перлюстрация и перевод перехваченных бумаг, допрос дезертиров и военнопленных. Также осуществлялся сбор информации об общественных настроениях в Российской империи, органах власти и экономике. Отдельно доставлялись статико-топографические сведения о приграничных губерниях. Опубликованные материалы свидетельствуют, что к концу марта 1812 г. только с разведывательными заданиями в Российской империи находилось 15 агентов Биньона.

Перед войной французская разведка получила гравировальные доски «столистовой» карты (подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений, подготовленная в 1801–1804 гг.). Несмотря на то, что в ней были указаны только главные дороги и основные ориентиры, ее надписи были переведены на французский язык, и именно ею пользовались французы во время войны. Хотя впоследствии все-таки бывали случаи, что французские отряды сбивались с пути.

Известен также документ французской разведки, в котором даны характеристики 60 русских генералов и 4 старших офицеров (в их числе Кутузов, Барклай-де-Толли, Витгенштейн, Милорадович, Дохтуров, Паскевич, Тучков и другие). Согласно этим характеристикам, большинство генералов – храбрые люди, имеющие значительный боевой и командный опыт и в то же время относительно молодые (средний возраст 30–40 лет).

В 1811 г. с разведывательной миссией три агента из Польши посетили Архангельск, Вологду и другие северные города. При этом польские историки констатируют, что довольно часто было трудно провести разграничительную линию между действиями французских агентов из поляков и тех же поляков, работавших на разведку герцогства Варшавского. При этом зачастую разница заключалась лишь в том, что информация агентов герцогства в копиях оставалась в Варшаве, а все собранные сведения в разном виде поступали во Францию.

С началом военной кампании 1812 г. военно-оперативную разведку Великой армии возглавил дивизионный генерал польской и французской службы М. Сокольницкий. В его функции входило оперативное наблюдение за передвижением российских войск и их расположением, а также доставка ежедневных сведений о театре военных действий. Французского императора интересовала информация о дорогах, реках, населенных пунктах, позициях. Согласно порядку оперативные сведения должны были поступать в течение 24 часов.

Большая часть французской агентуры накануне войны была сосредоточена только на западных окраинах Российской империи. Соответственно, когда Великая армия углубилась в российские земли, ее деятельность практически не давала результатов.

О достаточно низкой результативности деятельности французских шпионов можно судить из следующих строк уже упомянутого Коленкура, которые относятся к началу похода Наполеона: «О позиции русских не было никаких сведений. Все жаловались на то, что ни один из шпионов не возвращается, что очень раздражало императора. Лишь из Мариамполя поступили сведения о том, что русская армия отступает и перед нами находятся только казаки».

Довольно быстро Наполеон разочаровался в возможностях французской разведки и рекомендовал корпусным начальникам заменять собственными силами «свою неспособную секретную службу». Он требовал от военачальников регулярно сообщать данные о противнике. Тот же Коленкур позднее писал следующее: «Любою ценою он (маршал Мюрат, командовавший авангардом наступающей наполеоновской армии. – *Авт.*) хотел добыть пленных; это было единственным средством получить какие-либо сведения о русской армии, так как их нельзя было получить через шпионов, сразу переставших приносить нам какую-либо пользу, как только мы очутились в России». Исходя из этого, можно говорить о том, что Наполеону так и не удалось создать в России надежную шпионскую сеть.

«Вавилонское столпотворение»: переправа французов через Неман (начало наступления)

Однако отсутствие полноценной информации о состоянии российской армии, ее боеготовности не помешало императору французов отважиться на поход в Россию. В течение первой половины 1812 г. войска Великой армии (*Grande Armée* – название вооруженных сил Французской Империи) были сконцентрированы у границ Российской империи. При этом меньше половины их численности составляли собственно французы, а все остальные (немцы, итальянцы, поляки, швейцарцы, испанцы, португальцы, бельгийцы, голландцы, австрийцы, хорваты и т. д.) были рекрутированы из союзных и вассальных европейских государств. Поэтому соответственно сам поход Великой армии называют нашествием «двунадесяти языков»: из почти 400 000 солдат, перешедших реку Неман, только около 150 000 были французами.

Несмотря на то, что эта разноплеменность была одной из слабых сторон Великой армии, Наполеон верил в ее командный состав, который обладал огромным опытом ведения боевых действий, а солдаты, учитывая предыдущие победы, беспрекословно верили своему императору.

9 мая 1812 г. император французов выехал из дворца Сен-Клу в саксонский город Дрезден, где встретился с «союзными» монархами Европы. Далее из Дрездена Наполеон отправился к Великой армии на реку Неман, разделявшую Пруссию и Россию. А уже 10 (22) июня 1812 г. он обратился с воззванием к войскам, в котором обвинил Россию в нарушении Тильзитского соглашения, что, собственно, положило начало войне.

Но кампания явно была обречена на неудачу. Верить ли приметам? Ведь известно, что 11 (23) июня, во время осмотра берегов Немана, выискивая место для переправы, Наполеон был сброшен на всем скаку лошадью, которая испугалась перебежавшего дорогу зайца. Это событие было оценено как дурная примета, но, конечно же, не могло остановить движение Великой армии. Более-менее объективно оценить ее состав и состояние можно из следующих воспоминаний немецкого врача Генриха Рооса: «Прибытие и передвижение многочисленных, все новых и новых отрядов всех национальностей и родов оружия, масса артиллерии и понтонных мостов, – все это превращало наш лагерь в интереснейшее зрелище, когда-либо виденное мной. Больше всего поразили меня огромный транспорт болтливых баб – на телегах, на конях и пешком; мне сказали, что их назначение – ухаживать за больными и ранеными в госпиталях; затем – не менее многочисленное шествие врачей, по большей части молодых людей, которые подвергались постоянным порицаниям и наставлениям со стороны своего начальника-ветерана; наконец, необычайно рослые лошади при понтонных повозках, впряженные по три пары в каждую».

Вечером 11 (23) июня разъезд лейб-гвардии Казачьего полка (полк русской императорской гвардии) в трех верстах вверх по реке Неман, неподалеку от Ковно (современный г. Каунас в Литве), заметил подозрительное движение на противоположном берегу. И когда уже стемнело, через реку с возвышенного и лесистого берега на лодках и паромов переправилась рота французских саперов. Польский офицер Роман Солтык, участвовавший в этой операции, следующим образом описывал первую встречу российских и французских войск: «Только после того как на правый берег успело высадиться около сотни человек, послышался издали шум галопирующих лошадей. На расстоянии ста, приблизительно, шагов от нашего слабого авангарда остановился сильный взвод русских гусар, которых мы узнали, несмотря на ночную тьму, по их белым султанам. Командующий взводом офицер сделал несколько шагов в нашу сторону и закричал по-французски: “Кто идет?” – “Франция”, – ответили вполголоса наши солдаты. – “Что собираетесь вы здесь делать?” – продолжал русский, обращаясь к нам все время на пра-

вильном французском языке. – “Увидите, черт возьми!” – решительно ответили наши стрелки. Офицер, вернувшись к своему взводу, скомандовал сделать залп, на который никто с нашей стороны не ответил, и неприятельские гусары ускакали прочь галопом». В сущности, это была первая перестрелка в предстоящей войне 1812 года.

Уже после полуночи 12 (24) июня 1812 года по четырем наведенным выше г. Ковно мостам началась переправа французских войск через пограничный Неман, которая иронически была названа историками «Вавилонским столпотворением»¹. Один из участников похода Наполеона, немецкий полковой врач фон Роос, отмечал в своих записках, что во время переправы войск он наблюдал интереснейшее зрелище проходивших мимо него разноязычных полков. Это в действительности напоминало переселение народов или вавилонское столпотворение. Голландский генерал Антон Дедем де Гельдер иронично отмечал: «Трудно изобразить величественную картину, которую представляло 600-тысячное войско, расположившееся у подошвы холма, на котором Наполеон приказал разбить свои палатки... Когда я позволил себе пошутить, генерал Огюст Коленкур, с которым я был в дружественных отношениях, сделал мне знак и сказал тихонько: “Здесь не смеются. Это великий день”. Он указал при этом на противоположный берег реки, как будто хотел присовокупить: “Вот наша могила”».

Что-то подобное вспоминал тогдашний главный квартирмейстер главной квартиры Наполеона граф Филипп Поль де Сегюр: «В трехстах шагах от реки [имеется в виду река Неман. – *Авт.*], на самом возвышенном пункте, виднелась палатка императора. Вокруг нее все холмы, все склоны и долины были покрыты людьми и лошадьми. Как только солнце осветило все эти подвижные массы и сверкающее оружие, немедленно был дан сигнал к выступлению, и тотчас же эта масса пришла в движение и, разделившись на три колонны, направилась к трем мостам. Видно было, как эти колонны извивались, спускаясь по небольшой равнине, которая отделяла их от Немана, и, приближаясь к реке, вытягивались и сокращались, чтобы перейти через мосты и достигнуть, наконец, чужой земли, которую они собирались опустошить и вскоре сами должны были усеять своими останками».

Как же отреагировал русский император на вторжение неприятеля? Когда 12 июня 1812 г. авангард французских войск вступил в крепость Ковно, вечером того же дня Александр I находился на балу у генерала Л. Беннигсена в Вильно. В книге «Нашествие Наполеона на Россию» советский историк Е. Тарле указывал, что ночью следующего дня император, узнав о нашествии войск Наполеона, призвал министра полиции А. Балашова и вручил ему письмо для передачи императору французов. А также велел на словах добавить, что “если Наполеон намерен вступить в переговоры, то они сейчас начаться могут, с условием одним, но непреложным, т. е. чтобы армии его вышли за границу; в противном же случае государь дает ему слово, покуда хоть один вооруженный француз будет в России, не говорить и не принять ни одного слова о мире”».

С Наполеоном А. Балашов встречался дважды уже 18 (30) июня 1812 г. Основным источником для описания бесед служит только рассказ собственно Балашова, который предположительно написан в середине 1836 г. (эти воспоминания под названием «Встреча с Наполеоном» частично были опубликованы в 1883 г. в журнале «Исторический вестник»).

«Мне жаль, что у императора Александра дурные советники, – начал разговор Наполеон. – Чего ждет он от этой войны? Я уже овладел одной из его прекрасных провинций, даже еще не сделав ни одного выстрела и не зная, ни он, ни я, почему мы идем воевать». Далее речь шла о соотношении сил: «Я знаю, что война Франции с Россией не пустяк ни для Франции, ни для России. Я сделал большие приготовления, и у меня в три раза больше сил, чем у вас.

¹ *Вавилонское столпотворение* – это выражение возникло на основании легенды о том, как возгордившиеся люди в древнем Вавилоне задумали построить башню до неба. Разгневанный Бог наказал гордецов – он «смешал» их языки, т. е. люди перестали понимать друг друга. Так возникли разные языки. В переносном смысле это словосочетание – вавилонское столпотворение – означает огромное скопление людей, говорящих на разных языках.

Я знаю так же, как и вы сами, может быть, даже лучше, чем вы, сколько у вас войск. У вас пехоты 120 тысяч человек, а кавалерии от 60 до 70 тысяч. Словом, в общем меньше 200 тысяч. У меня втрое больше».

Наполеон также открыто выразил недовольство отступлением командующего российской армией М. П. Баркляя-де-Толли, которого он, конечно же, хотел разбить уже на начальном этапе войны: «Я не знаю Баркляя-де-Толли, но, судя по началу кампании, я должен думать, что у него военного таланта немного. Никогда ни одна из ваших войн не начиналась при таком беспорядке... Сколько складов сожжено, и почему? Не следовало их устраивать или следовало их употребить согласно их назначению. Неужели у вас предполагали, что я пришел посмотреть на Неман, но не перейду через него? И вам не стыдно? Со времени Петра I, с того времени, как Россия – европейская держава, никогда враг не проникал в ваши пределы, а вот я в Вильне, я завоевал целую провинцию без боя. Уж хотя бы из уважения к вашему императору, который два месяца жил в Вильне со своей главной квартирой, вы должны были бы ее защищать! Чем вы хотите воодушевить ваши армии, или, скорее, каков уже теперь их дух? Я знаю, о чем они думали, идя на Аустерлицкую кампанию, они считали себя непобедимыми. Но теперь они наперед уверены, что они будут побеждены моими войсками».

Фактически утренняя и обеденная аудиенции Балашова завершились безрезультатно, что демонстрировало окончательность и бесповоротность решения Наполеона по поводу конфликта. После уведомления о встрече Александр I решил не публиковать торжественного манифеста и лишь отдал приказ по войскам, объявляющий о вторжении Наполеона и начале войны. Тем временем армия Наполеона стремительно приближалась собственно к Вильне, где находился русский император.

Переправа первой группы солдат армии Наполеона численностью 220 000 человек заняла 4 дня (под Ковно реку форсировали 1-й, 2-й, 3-й пехотные корпуса, гвардия и кавалерия). Первым боевым столкновением с русской армией была атака конницей Мюрата ее арьергарда 25 июня возле селения Барбаришки. Подобные стычки имели место при Румшишках и Попарцах.

Вторая группировка (около 67 000 солдат под командованием вице-короля Италии Евгения Богарне) перешла Неман южнее Ковно (около Прены) 17–18 (29–30) июня. В этот же период еще южнее, около Гродно, реку пересекли 4 корпуса (до 80 000 солдат) под общим командованием короля Вестфалии Жерома Бонапарта.

На северном направлении, возле Тильзита, Неман пересек 10-й корпус маршала Жака Макдональда, нацеленный на Петербург; на южном направлении (со стороны Варшавы через Буг) двигался отдельный Австрийский корпус генерала Карла Шварценберга (больше 30 000 солдат).

Город Вильно был занят Наполеоном 16 июня 1812 г. Об общем положении французских войск и проблемах, с которыми им пришлось столкнуться уже на первом этапе войны, можно судить из следующих воспоминаний военного медика Франсуа Мерсье: «Вплоть до самой Вильны, куда я направился вслед за французским императором, мне ни разу не пришлось приниматься за выполнение своих профессиональных обязанностей. Но почти тотчас же по прибытии в этот город я получил приказание устроить госпитали для многочисленных больных, непрерывно поступающих по мере прибытия туда различных отрядов армии. Развитие болезней являлось прямым последствием переутомления солдат и недостатка в пище. Уже тогда французские войска начинали чувствовать стеснения в самом необходимом, так как обозы, конечно, не могли поспевать за быстрыми передвижениями регулярного войска, а страна, опустошенная уже русской армией, была совершенно не в состоянии дать пропитание и следовавшим по их пятам французам. Еще более губительное влияние на здоровье солдат оказывала быстрая смена температуры. В течение последних дней июня почти не прекращались обильные, но холодные дожди, наступившие вслед за душливой жарой. Проезжие дороги и вообще»

то плохо содержатся в России; после же периода дождей они оказались окончательно размытыми, а сообщение по ним почти совершенно невыносимым. На одном пути от Ковно до Вильны у французской армии оказалось до тридцати тысяч отсталых, большинство которых по прибытии в г. Вильну тотчас же было размещено по госпиталям».

Этим словам Мерсье вторил и генерал Жиро де Л'Эн: «Страшная пыль, от которой ничего не было видно в двух шагах, попадала в глаза, уши, ложилась толстым слоем на лицо. Пыль и жара возбуждали сильную жажду, а воды не было. Поверят ли мне, что некоторые пили лошадиную мочу... Пыль поднимали шедшие впереди многочисленные колонны войска. Они шли в таком порядке: во всю ширину просторной, обсаженной деревьями дороги ехала артиллерия и экипажи; по бокам от нее двигались сплошными колоннами построены дивизиями пехота, имея по 8 человек в ряд. По бокам пехоты шла эскадронами кавалерия. Можно себе представить картину такой массы войск, двигавшихся в одном направлении!.. Армия везла за собой множество экипажей, и император в начале это терпел и даже поощрял, так как припасы, которыми они были нагружены, могли оказаться очень полезными для войск. Но теперь, когда, по его расчетам, эти припасы должны были уже истощиться и сами экипажи являлись для армии только бесполезным балластом, он отдал приказ сжечь их».

Наполеон, устроив текущие государственные дела в оккупированной Литве, а также организовав корпус и упорядочив различные продовольственные дела, выехал из города вслед за своими войсками только в начале следующего месяца. Определенные дискуссии у историков вызывает достаточно длительное пребывание императора в Вильне. Но какие последствия имело это длительное пребывание императора в Литве для будущего исхода кампании? Часть историков и современников событий утверждают, что благодаря этому он дал возможность и время соединиться отдельным корпусам русской армии; другие же, признавая влияние этого промедления на дальнейшую судьбу кампании, все же указывают, что задержка Наполеона была вынужденной: ее вызвали совершенно непредвиденные обстоятельства.

«Ты был неколебим пред общим заблуждением»: тактика «выжженной земли» М. Барклая-де-Толли

Был ли прав Наполеон, заявляя, что у Барклая-де-Толли «военного таланта немного»? Правы ли были современники, не веря в военный талант командующего? Верную ли тактику в начале войны с Наполеоном избрал он? Или все-таки прав А. Пушкин, сказав о Михаиле Богдановиче Барклае-де-Толли:

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиление!..».

Михаил Богданович Барклай-де-Толли вошел в историю военного искусства прежде всего как архитектор стратегии и тактики «выжженной земли», которая предусматривает отрезание основных войск противника от тыла, лишение их снабжения и организации в их тылу партизанской войны. Это утверждение относится к периоду командования им российскими войсками на начальном этапе войны 1812 г. Исходя из этого, он запомнился как полководец, который вынужденно совершал стратегическое отступление перед Наполеоном и именно за это был подвергнут осуждению современников.

Для более полного понимания личности Барклая-де-Толли приведем следующий обширный отзыв о нем генерала А. Ермолова, который был начальником штаба 1-й Западной армии: «Барклай-де-Толли долгое время невидная служба, скрывая в неизвестности, подчиняла порядку постепенного возвышения, стесняла надежды, смиряла честолюбие. Не принадлежа превосходством дарований к числу людей необыкновенных, он излишне скромно ценил хорошие свои способности и потому не имел к самому себе доверия, могущего открыть пути, от обыкновенного порядка не зависящие... Неловкий у двора, не расположил к себе людей, близких государю; холодностью в обращении не снискал приязни равных, ни приверженности подчиненных... Барклай-де-Толли до возвышения в чины имел состояние весьма ограниченное, скорее даже скудное, должен был смирять желанья, стеснять потребности. Такое состояние, конечно, не препятствует стремлению души благородной, не погашает ума высокие дарования; но бедность, однако же, дает способы явить их в приличнейшем виде... Семейная жизнь его не наполняла всего времени уединения: жена немолода, не обладает прелестями, которые могут долго удерживать в некотором очаровании, все другие чувства покоряя. Дети в младенчестве, хозяйства военный человек не имеет! Свободное время он употребил на полезные занятия, обогатил себя познаниями. По свойствам воздержан во всех отношениях, по состоянию неприхотлив, по привычке без ропота сносит недостатки. Ума образованного, положительного, терпелив в трудах, заботлив о вверенном ему деле; нетверд в намерениях, робок в ответственности; равнодушен в опасности, недоступен страху. Свойств души добрых, не чуждый снисходительности; внимателен к трудам других, но более людей, к нему приближенных... Осторожен в обращении с подчиненными, не допускает свободного и непринужденного их обхождения, принимая его за несоблюдение чинопочитания. Боязлив пред государем, лишен дара объясняться. Боится потерять милости его, недавно пользуясь ими, свыше ожидания воспользовавшись. Словом, Барклай-де-Толли имеет недостатки, с большею частью людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающие в настоящее время весьма немногих из знаменитейших наших генералов».

Для оценки объективности слов этих Ермолова укажем, что в свое время существовали рассказы о том, что как-то еще в 1811 г. он ездил на главную квартиру Барклая-де-Толли. По возвращении сослуживцы спрашивали его: «Ну что, каково там?» – «Плохо, – отвечал Алексей Петрович, – все немцы, чисто немцы».

В 1810–1812 гг. Барклай-де-Толли занимал пост военного министра Российской империи и провел большую работу по усилению армии. В частности, им был осуществлен ряд мероприятий по подготовке к войне – строительство крепостей (в частности, Динабургской и Бобруйской) и разных инженерных сооружений на западном театре военных действий, создание тыловых баз, организация военной разведки, усовершенствование дивизионной и введение корпусной системы, упорядочение штабной службы, преобразование полевого и высшего военного управления.

Что касается введения постоянной корпусной системы, следует отметить, что она предусматривала следующее: было создано восемь номерных (1-й – 8-й) пехотных корпусов (по две дивизии в каждом), которые вошли в 1-ю и 2-ю Западную армии. Также в 1810 г. были увеличены штаты полков армейской пехоты, получившие 3-батальонный состав; сформированы два новых полка гвардейской пехоты.

Кроме этого было осуществлено преобразование и дивизионной системы. В частности, до 1810 г. в состав дивизий входили части всех родов войск, а соотношение различных видов пехоты, кавалерии и артиллерии носило произвольный характер. А уже по состоянию на 1812 г. были сформированы 25 пехотных дивизий более или менее однотипного состава и две гренадерские дивизии. В кавказские дивизии были сведены кавказские полки, при этом было создано две кирасирские дивизии.

Также в период пребывания Барклая-де-Толли на посту военного министра были введены в практику новые принципы подготовки войск: обучение меткой стрельбе и действиям на пересеченной местности, разработано первое в России положение о полевом управлении войск – «Учреждение для управления Большой действующей армии» (1812), введен новый «Устав о пехотной службе» (1811).

При его непосредственном участии было составлено несколько планов ведения боевых действий на случай вторжения наполеоновских войск в Россию (не только оборонительных, но и наступательных, а также разработана стратегическая концепция войны, рассчитанная на три года. Исходя из явного численного превосходства Великой армии, в основу плана кампании 1812 г. был положен тезис о необходимости отступления главных сил русской армии к Волге, изматывания армии противника с одновременными активными действиями на флангах.

Следует указать, что оценка современниками роли Барклая-де-Толли в войне 1812 г. во многом определялась влиянием при императорском дворе «русской партии», представители которой видели в нем, прежде всего, «немца» и соответственно требовали увольнения с поста главнокомандующего. При этом поместное дворянство, исходя из личных соображений, категорически отрицало «тактику выжженной земли».

В войне 1812 г. Барклай-де-Толли командовал 1-й Западной армией, размещенной на границе Российской империи в Литве. Под натиском превосходящей наполеоновской армии вынужденно отступал, периодически проводя арьергардные бои. «С момента вторжения французов в Россию русские войска не переставали, отступая, превращать все позади себя в пустыню, предавая огню как деревушки, так села и города», – писал французский свидетель последствий тактики Барклая-де-Толли.

А. С. Пушкин в стихотворении «Полководец» в следующих строках описал значение личности М. Барклая-де-Толли, показав ошибочность негативного отношения современников к его тактике:

...Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый не влюбля,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденье;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко, –
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист слышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, –
Вотще!

Для полного понимания мотивации М. Барклая-де-Толли относительно использования тактики «выжженной земли» необходимо отметить, что на момент вторжения Наполеона в его армии (1-й армии) находилось 118 000 человек, а в армии П. Багратиона (2-й армии) – 35 000 человек, в общем – 153 000. При этом только в начале августа 1812 г. им удалось соединиться.

«Штурмовать жестоким образом»: осада Динабургской крепости

Взятие Петербурга предполагалось силами 10-го корпуса (32 000 солдат) маршала Ж. Макдональда. Изначально ему предстояло захватить Ригу, а затем, после соединения со 2-м корпусом маршала Н. Ш. Удино (28 000 солдат), продвигаться дальше. Основу 10-го корпуса составлял 20-тысячный прусский корпус под командованием генерала Ю. Граверта (позже он был заменен И. Йорком).

Первым крупным городом на пути маршала Макдональда была Рига. Однако, в связи с отсутствием осадной артиллерии, он остановился уже на дальних подступах к городу. Тем временем военный губернатор Риги генерал И. Эссен сжег предместья и заперся в городе с весьма сильным и многочисленным гарнизоном (18 000 солдат). Чтобы поддержать Удино, Макдональд направился к оставленному городу Динабургу (современный Даугавпилс) на реке Западной Двине (Даугаве).

Как указывалось выше, в 1810 г. в городе Динабург было начато строительство крепости с целью укрепления западной границы Российской империи. Именно удобное расположение Динабурга на Западной Двине стало основной причиной начала строительства здесь мощных фортификационных укреплений, предназначенных для защиты переправы через реку и прикрытия дороги на Петербург. Следует отметить, что план строительства выполнялся с отклонениями и не слишком быстро. К началу активной фазы подготовки укреплений для обороны от возможного похода Наполеона даже границы крепости еще не были обозначены.

Учитывая важность строительства мощного форпоста для отражения вероятного нападения на Петербург, Барклай-де-Толли (в то время профильный министр) в марте 1810 г. поручил военному инженеру Е. Гекелю в рамках плана по укреплению западных рубежей выбрать место для строительства крепости. В соответствующем письме указывалось на необходимость скорейшим образом начать подготовительные работы. Для этого предлагалось использовать остатки старых построек XVI века, а крепость строить «без каменной одежды».

Крепость планировалось создать за 3 года. Ее вооружение должны были составлять 595 крепостных орудий, из них 110 в предмостном укреплении. Эти цифры необходимо рассматривать, учитывая, что в начале 1812 г. Россия на западе имела немногим более 930 орудий. Гарнизон крепости предусматривался в 4 500 человек в мирное и 7 000 человек в военное время.

Осенью 1810 г. комендантом незаконченной крепости был назначен артиллерист генерал-майор Г. П. Уланов. После этого между комендантом и главным инженером начались разногласия по поводу порядка работы. Это, соответственно, вместе с дороговизной строительных материалов, нехваткой времени и наступлением зимы срывало планы строительства. Фактически к середине 1811 г. была выполнена только треть работ.

Несмотря на незавершенность строительства, 14 июля 1811 г. Динабургская крепость была объявлена крепостью первого класса, хотя строительные работы продолжались и дальше – вплоть до 28 июня (10 июля) 1812 г., когда войска второго армейского корпуса маршала Удино стали угрожать гарнизону крепости.

Учитывая невозможность постройки крепости до лета 1812 г., командование приняло решение сосредоточиться на строительстве мостового укрепления. Большое внимание уделялось также перевозке части запасов из Динабурга в глубь страны. Начало военных действий ознаменовало и начало подготовки крепости к обороне.

Штурм крепости продолжался три дня – с 1 (13) до 4 (16) июля. Маршал Удино, не ожидавший упорного сопротивления, бросал в бой все новые и новые войска. Обороной руководил Уланов, в его распоряжении было 2 500 человек. Под его руководством находились также

артиллерийские расчеты, использовавшие тактику перетаскивания пушек с колесными лафетами для смены позиций ведения огня. В результате создавалось впечатление, что число орудийных стволов в крепости больше, чем предполагалось.

Но почему же русским все-таки пришлось оставить крепость Динабург? Известно, что в девять часов утра 3 (15) июля в крепости по неизвестной причине взорвались 370 боевых артиллерийских зарядов, сложенных близ батарей у реки Западная Двина для обороны крепости, погиб 21 человек. Потеря в результате взрыва артиллерийских зарядов, а также непрерывные атаки в течение третьего дня побудили командование начать подготовку к оставлению крепости Динабург и отходу из нее русских войск. Но вечером указанного дня маршал Удино получил приказ отступить и двигаться на соединение с войсками короля Неаполитанского маршала Мюрата. Ночью французы сняли осаду Динабурга и стали отходить. Вслед им был выслан кавалерийский отряд, который завязал бой с арьергардом французской колонны и захватил в плен около 80 человек. Фактически это был первый случай захвата пленных в таком количестве.

Принято считать, что оборона Динабургской крепости стала одним из первых победных сражений российской армии, которое на некоторое время позволило задержать войска маршала Удино, двигавшегося по направлению к Петербургу. Военный министр и командующий 1-й Западной армией Михаил Богданович Барклай-де-Толли в рапорте Александру I похвалил «храбрый гарнизон» Динабургской крепости, отметив заслугу ее коменданта Уланова.

В середине июля для действий против Динабургской крепости была направлена бригада генерала Э. Рикара 1-го армейского корпуса маршала Макдональда. В связи с изменением оперативной обстановки гарнизон 15 (27) июля оставил крепость, уничтожил переправу, затопил в реке часть орудий и без боя отступил.

19 июля бригада Рикара заняла крепость. Французам достались 8 орудий, запасные лафеты, заряды и большое количество строительных материалов. Маршал Макдональд следующим образом описывал открывшуюся картину: «Меня направили к Двине прикрывать берега Балтийского моря с поручением осадить Динабург и Ригу. Первая из этих крепостей имелась только на плане: у нее был лишь хороший *tete de pont* [предмостное укрепление. – *Авт.*]. Разведки, произведенные мной по ту сторону Двины, между двумя крепостями, вызвали тревогу на правом берегу этой реки и побудили русских генералов сжечь предместье Риги... и очистить *tete de pont* Динабурга, который я и велел занять. Тогда-то мы и узнали, что укрепления этого мнимого города существовали только на плане, а в действительности были едва намечены; чуть-чуть лишь была взрыта земля; ни одного даже барака, а следовательно, и обитателей, только одна иезуитская церковь».

В остатках крепости Макдональд расположил свой штаб, а с уходом приказал уничтожить оставшиеся укрепления. По окончании войны Гекель (уже в звании генерал-майора) прибыл в Динабург для продолжения строительства крепости. Но освящение крепости состоялось лишь 21 мая (2 июня) 1833 г. в присутствии императора Николая I и высшего духовенства России.

После захвата города Макдональд некоторое время ожидал осадную артиллерию из Восточной Пруссии.

«Вельможа в случае»: Витгенштейн Петр Христианович

Петр Христианович Витгенштейн-Берлебург (1768–1843) принадлежал к древнему германскому роду Спонхеймов. В возрасте 12 лет (в 1781 г.) по обычаям того времени был зачислен сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк, чтобы впоследствии получить требуемую выслугу лет. Действительную же службу начал с 1789 г. в чине вахмистра гвардии. В 1790 г. получил первый офицерский чин корнета в Конно-гвардейском полку, а уже в 1794-м стал подполковником.

При Павле I Витгенштейн (на то время он имел звание генерал-майора) вызвал «высочайший гнев» и был уволен в отставку в 1801-м, но вновь вернулся на службу в том же году при новом императоре Александре I. В начале XIX в. принимал активное участие в военных кампаниях: в 1805 г. – против Наполеона, 1806-м – против турок и 1807 г. – снова против Наполеона (в этом же году произведен в генерал-лейтенанты).

В кампанию 1812 г. командовал 1-м отдельным Пехотным корпусом (до начала июля входил в состав 1-й Западной армии), с которым прикрывал петербургское направление и действовал против четырех корпусов Великой армии. В ходе кампании 1812-го был дважды ранен, благодаря воинским успехам снискал славу «защитника Петрополя».

«Спаситель Петрополя»: Сражение под Клястицами

Небольшое селение Клястицы (Дрисский уезд Витебской губернии) вошло в историю Отечественной войны 1812 г. как населенный пункт, в районе которого 18 (30)–19 (31) июля произошло сражение между российским 1-м отдельным пехотным корпусом генерала П. Витгенштейна (численность – 23 000 солдат, 108 орудий) и 2-м армейским корпусом Великой армии маршала Н. Ш. Удино (численность – 28 000 человек, 114 орудий). По сути, это событие относится к боям, которые проходили на северном направлении движения наполеоновских войск.

Краткая предыстория этой битвы такова. Заняв город Полоцк, маршал Удино принял решение обойти с севера отдельный корпус генерала Витгенштейна, выделенный Барклаем-де-Толли при отступлении через Полоцк для обороны петербургского направления.

По составленному императором Наполеоном плану, Удино должен был соединиться с 7-й пехотной дивизией 10-го армейского корпуса маршала Ж. Макдональда, после этого отрезать корпус Витгенштейна от Пскова и Санкт-Петербурга, разбить его и двигаться далее на Петербург. Но последний, чтобы не допустить соединения французских войск, решил вступить в сражение с Удино.

Перед битвой, не имея точных и проверенных данных о противнике, Удино вычленил из своих войск две части:

- 1) 9-я пехотная дивизия генерала П. Мерля (19 батальонов) была отправлена на юг от Клястиц;
- 2) 6-я легкая кавалерийская бригада генерала Ж. Корбино (8 эскадронов) – на северо-запад от Полоцка.

Всего в составе этих частей было около 8 000 солдат.

Первое столкновение произошло 16 (28) июля у деревни Филипово. Здесь три полка (12 эскадронов) Великой армии вступили в бой с кавалерией авангарда главных сил Витгенштейна, которыми командовал генерал-майор Я. Кульнев (всего 5 эскадронов и казачий полк). Этот бой закончился неудачно для французов, которые только пленными потеряли 167 человек, в том числе и трех офицеров.

В этот же день Удино выступил из Полоцка на Себеж. Витгенштейн, двигавшийся в том же направлении, решил не допустить его соединения с Макдональдом и предпринял фланговый удар по войскам 2-го армейского корпуса.

Ближе к обеду 18 (30) июля соединения 2-го армейского корпуса расположились в Клястицах. По-прежнему не имея точных данных о противнике, Удино остановил движение корпуса и выслал к Себежу пехотный полк, а к Якубову – остальные полки этой дивизии. Около 14 часов дня к Якубову также подошли русские войска – два эскадрона Гродненского гусарского полка из авангарда Я. Кульнева. Столкнувшись с неприятелем, Витгенштейн приказал немедленно атаковать и распорядился усилить авангард.

Вечером этого же дня, после переменных успехов, российский авангард расположился на высоте напротив Якубова. Артиллерия была поставлена в центре позиции, а два полка – по обе стороны. При этом Гродненский гусарский полк находился в резерве.

Получив сведения о малочисленности русского авангарда, генерал К. Легран (командовал отдельными частями 2-го армейского корпуса) принял решение атаковать. В результате напряженного боя и ожесточенной артиллерийской перестрелки Я. Кульнев удержал позицию до подхода подкрепления, после чего перешел в наступление, вынудив неприятеля отступить.

В свою очередь, получив подкрепление, Удино перешел в наступление и оттеснил авангард Кульнева. Однако неудачная позиция французов не позволяла им развернуть больше 12

орудий, против которых было выставлено в 2 раза больше артиллерии. Это впоследствии и сыграло решающую роль. Понеся большие потери, французы отошли за Якубово, оставив в селе часть пехоты. Канонада продолжалась до ночи.

На следующий день, 19 (31) июля, Витгенштейн принял решение продолжить сражение. После обеда войска начали наступление, но французы перехватили инициативу и провели ряд атак против центра и в обход левого фланга русских. Однако они не достигли успеха, в частности, из-за удачных действий русской артиллерии. Воспользовавшись замешательством неприятеля, Витгенштейн снова перешел в наступление – сначала был атакован центр сил Удино, потом левый фланг. После этого неприятель отступил до Клястиц, не успев организовать оборону. В это время русские войска готовились переправиться через местную реку, а кавалерия пыталась обойти правый фланг Удино. В таких условиях маршал принял решение спешно отступить за Клястицы и бросил раненых с обозом. Чтобы преследовать отступающих французов, Витгенштейн отправил авангард Кульнева. Однако на следующий день последний потерпел поражение у Боярщины, а сам Кульнев был убит (первый русский генерал, погибший в войне 1812 г.). Интересно, что получив сообщение о его гибели, Наполеон Бонапарт писал Жозефине: «Вчера убит Кульнев, лучший русский офицер кавалерии».

Попытавшись развить успех, войска Удино встретились с главными силами русского корпуса и потерпели поражение.

Основным результатом боя под Клястицами была остановка на некоторое время наступления 2-го армейского корпуса на Санкт-Петербург. Чтобы исправить это, Наполеон отправил на поддержку Удино 6-й армейский корпус генерала Сен-Сира (13 000 солдат). Следствием такого решения было ослабление сил Великой армии на главном направлении.

В целом, на ходе боев сказалась плохая организация разведки у французов, что и привело к распылению сил корпуса Удино. В рапорте императору Александру I Витгенштейн определил количество пленных в 3 тысячи, число убитых и раненых он оценил со слов пленных в 10 тысяч.

Сражение под Клястицами заслуженно считается первой крупной победой российских войск в войне 1812 г. Эта победа подняла авторитет генерала Витгенштейна, в частности, он был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени, а сам император Александр I называл его спасителем Санкт-Петербурга. Именно в это время Витгенштейна начали называть «защитником Петрова града».

Необходимо сказать, что в 1850 г. в Клястицах был воздвигнут памятник в честь описанных боев 1812-го, а в 1962 г. установлена стела с памятной надписью.

«Русские были сильно атакованы»: первое сражение под Полоцком

Отбросив Удино назад к Полоцку, Витгенштейн попытался отбить город у французов. Это противостояние вошло в историю как Первое полоцкое сражение (5–6 (17–18) августа 1812 г.) между русскими войсками 1-го отдельного пехотного корпуса генерал-лейтенанта П. Витгенштейна (17 000 человек) и войсками французского 2-го армейского корпуса Великой армии (под командованием маршала Н. Ш. Удино) и баварского 6-го армейского корпуса Великой армии (командовал им генерал Л. де Гувийон Сен-Сир). Всего численность французов составила 30 000 человек под общим командованием Удино.

После поражений при Клястицах, Головщине и Свольне Удино отступал к Полоцку. 3 (15) августа авангард Витгенштейна (под командованием генерал-майора Б. Гельфрейха) атаковал французов под с. Смоляново Полоцкого уезда и заставил их отступить, захватив около 1 500 пленных. Тем временем авангард Витгенштейна под командованием полковника Е. Властова переправился через реку Дрисса. Утром следующего дня Удино прибыл к Полоцку и собрал военный совет, на котором было принято решение оборонять город. В частности, возобладало мнение генерала Сен-Сира, считавшего, что «ежели неприятель не последует за отступавшими войсками, то можно было бы перейти на левую сторону Двины, заняв Полоцк сильным отрядом; если же русские, напротив того, будут продолжать преследование и завяжут дело, то не должно в виду их переходить за реку как для избежания потерь, сопряженных с таким отступлением, так и для того, чтобы не ослабить дух войска».

В ночь на 5 августа российские войска выбили французов из леса и приблизились к Полоцку. Расположение войск Витгенштейна было следующим: на левом фланге – бригада князя Сибирского с 28 орудиями и авангард Властова; справа – бригада полковника Денисьева, 23-й егерский полк и лейб-драгунские запасные эскадроны с 6 орудиями; в центре располагалась бригада генерал-майора К. Казачковского, пехотный полк, лейб-гусарский запасный эскадрон и 33 орудия. Вторую линию составляла пехотная дивизия генерал-майора И. Сазонова. В резерве находились 9 запасных и сводных гренадерских батальонов, командовал которыми генерал-майор П. Каховский.

Французы занимали более выгодную позицию, которую с правого фланга прикрывала река Полота. Здесь стоял 6-й армейский корпус Сен-Сира с большей частью бригады Корбино. На левом фланге располагалась дивизия генерала К. Леграна с полком дивизии генерала Ж. Вердье; справа, на противоположном берегу р. Полоты, – остальные части дивизии Вердье и дивизия генерала П. Мерля, бригада генерала Б. Кастекса и тяжелая кавалерийская дивизия генерала Ж. Думерка.

Утром 5 (17) августа Витгенштейн начал атаку неприятеля, избрав главным пунктом атаки усадьбу Спас, которая была прикрыта болотистым оврагом. Удар пришелся между центром и правым крылом французской позиции. Витгенштейн, не рассчитывая вести широкомасштабную наступательную операцию, намеревался заставить противника отступить за Западную Двину.

В начале сражения авангард русских войск, наступая на Спас, потеснил французов, но не смог развить успех, поскольку Удино перебросил сюда дополнительные части. Учитывая изменение обстановки, Витгенштейн направил на помощь 8 батальонов генерал-майора Г. Берга, что в некоторой мере ослабило центр. После этого именно в центр последовало несколько атак Удино (во время одной из них он был тяжело ранен в плечо). Наступление французов продолжалось, однако оборона была усилена дополнительным пехотным полком, и к наступлению ночи русские войска остались на своих позициях. Это и было фактическим

результатом боевых действий этого дня. При этом на правом фланге русские войска не вели активных действий, ограничиваясь вялой перестрелкой.

В ночь с 5-го на 6 августа Сен-Сир, который заменил выбывшего из строя Удино, собрал командиров на совет и предложил атаковать российские войска всеми силами обоих корпусов. Согласившись, генералы скорректировали план, поскольку солдаты были изнурены и не могли биться весь день. В связи с этим начало наступления отложили до послеобеденного времени. Необходимо учитывать, что войска Сен-Сира были более многочисленны, чем российские, но ряд обстоятельств в определенной мере уравнивал силы. В частности, российский корпус был лучше снабжен, а французским войскам приходилось выделять значительные силы для добывания припасов.

Перед боем Сен-Сир начал передвижения войск на левом берегу реки Западная Двина, что в какой-то мере отвлекло Витгенштейна от скрытой перегруппировки войск на правом берегу. Когда начался бой, французы, сломив сопротивление русских войск, вынудили их левый фланг отойти. Последние явно не ожидали атаки и первоначально были полностью дезорганизованы, но вскоре стали яростно отбиваться. Сен-Сир вспоминал: «Русские выказали в этом деле непоколебимую храбрость и бесстрашие, каких мало найдем примеров в войсках других народов. Их батальоны, застигнутые врасплох, разобщенные одни от других, при первой нашей атаке, не расстроились и продолжали сражаться, отступая чрезвычайно медленно и обороняясь со всех сторон с таким мужеством, какое, повторяюсь, свойственно только одним русским. Они совершали чудеса храбрости, но не могли удержать одновременного напора четырех дивизий...»

В таких условиях французы атаковали центр, где удалось захватить несколько орудий. Началось отступление дивизии Берга и авангарда Властова. Но на правом фланге наступление французов было приостановлено. При этом чуть не попал в плен сам Сен-Сир, а генерал Деруа был убит. К вечеру сражение прекратилось.

7 (19) августа войска Сен-Сира оставались в Полоцке. После боев 9 августа Витгенштейн отступил на позиции за рекой Дрисса.

Упоминавшийся выше военный медик Франсуа Мерсье следующим образом оценивал действия Сен-Сира в событиях Первого полоцкого сражения: «Благоразумие подсказало Удино очистить Полоцк и переправить свой отряд на противоположный берег Западной Двины; он уже отдал приказ об отступлении и начал его осуществлять под покровом ночной темноты, когда усилившаяся от полученной раны боль принудила его передать командование отрядом генералу Гувион Сен-Сиру. Обозы, кавалерия и артиллерия успели к этому моменту уже перейти реку; эти передвижения не могли, разумеется, укрыться от внимания неприятеля, который ожидал, что и остальная часть французского отряда отступит в том же направлении. Когда Гувион Сен-Сир принял на себя командование корпусом, он постарался укрепить неприятеля в этом заблуждении; с этой целью уже с наступлением дня он заставил продефилировать обозы в сопровождении небольших отрядов войска по таким дорогам, чтобы русские могли их ясно различить с правого берега реки. А в то же время французская артиллерия и кавалерия переправилась обратно через Двину в другом пункте. Эти войска приблизились с разных сторон, чтобы снова занять позиции, покинутые в виду неприятеля. В мгновение ока русские были сильно атакованы как раз в тот момент, когда они уже не сомневались более в успехе; они защищались с упорством и самоотверженностью, вообще им свойственной, но в конце концов, будучи выбиты из позиций и теснимые со всех сторон, они должны были отступить за Дриссу, где с трудом могли найти для себя убежище. Это блестящее военное дело дало Гувион Сен-Сиру звание французского маршала».

Для сравнения следует привести выдержку из сообщения Витгенштейна императору Александру I: «Храбрые войска Вашего Императорского Величества, несмотря на превосходное втрое число неприятеля, поражали его везде с обыкновенным мужеством и ожесточением

и неоднократно опрокидывали его батареи и сильные колонны, прогоняли до города и даже в самых улицах оно сражались. Глубокая темнота ночи заставила нас пресечь жесточайший и отчаянный бой, после которого он отошел к своим укреплениям, а я по прежнему моему предположению, оставя там авангард мой, с корпусом перешел по Себежской дороге в местечко Белое».

Потери русских войск в первом сражении при Полоцке, согласно надписи на мраморной плите на стене Храма Христа Спасителя в Москве, достигли 5 500 человек; потери Удино и Сен-Сира (по французским данным) в первый день боев не превысили 1 000 человек, во 2-й – составили 2 000 человек. Всего же по разным оценкам французы потеряли от 3 000 до 6 000 человек.

Каков же результат боев за Полоцк? Нет ли вины «защитника Петрова града» в будущем разорении Москвы Наполеоном? Не уступил Витгенштейн Удино и Сен-Сиру под Полоцком – и ход войны мог бы быть иным?!

Основным результатом боев стало удержание неприятелем Полоцка и отступление Витгенштейна, чем фактически полностью были нивелированы его прошлые успехи. За сражение под Полоцком император Наполеон произвел Сен-Сира в маршалы Франции.

Несмотря на то, что бой не имел серьезных последствий, следует отметить, что победа под Полоцком освободила левое крыло французской армии и открыла свободный проход к Москве. Это обстоятельство и заставило Наполеона окончательно решиться на преследование Барклая-де-Толли, чтобы побудить его принять решительное сражение. Победа в нем позволила бы захватить столицу и положить конец войне, или, во всяком случае, предоставила бы в распоряжение французского императора все ресурсы богатого и населенного города. В то время, по словам Ф. Мерсье, «Наполеон, конечно, не мог предвидеть, да и никто вообще не мог заподозрить, что русские примут такое дикое, хотя, быть может, и героическое решение превратить в руины свою старую столицу, свой священный город, предмет их общего национального культа».

«Начало изгнания наполеоновских войск с белорусской земли»: второе сражение под Полоцком

До октября 1812 г. обе стороны не предпринимали активных действий. Задача Витгенштейна состояла в том, чтобы не допустить продвижения французов к Петербургу, а Сен-Сир тем временем блокировал русский корпус.

Не поспешил ли император Наполеон с маршальским жезлом для своего генерала Сен-Сира? Согласился ли Витгенштейн оставить Полоцк в руках неприятеля?

Буквально за несколько дней до начала активных действий армия Витгенштейна существенно усилилась за счет хорошо вооруженного Петербургского ополчения (12 000 человек), набранного в северных губерниях. Теперь в его распоряжении имелось до 40 000 человек. Кроме этого на соединение с ним из Финляндии подходил корпус генерал-лейтенанта Штейнгеля (12 000 человек). Примечательно, что армия Витгенштейна начала наступательную операцию 18 октября, то есть в то время, когда Наполеон начал отступление из Москвы (эти события описаны дальше).

Перед битвой основные силы французов базировались на левом (южном) берегу Западной Двины напротив Полоцка. Армия Витгенштейна, прикрывая направление на Петербург, располагалась соответственно на правом берегу.

Необходимо отметить, что еще перед началом второго сражения под Полоцком на помощь Сен-Сиру был отправлен 9-й резервный корпус под командованием маршала Перенна Клод-Виктора (единственный маршал, который вошел в историю не под фамилией, а под именем «маршал Виктор»).

С целью обезопасить маршрут Штейнгеля Витгенштейн решил симитировать нападение на Полоцк, которое должно было отвлечь противника от мостов. С их помощью планировалось переправить корпус Штейнгеля.

Уже 6 (18) октября авангарду генерал-майора Балка (2 егерских полка, нескольких эскадронов и 6 пушек) удалось немного потеснить французов к укрепленным позициям под Полоцком. Но артиллерийский обстрел и контратака французов вынудила Витгенштейна прислать подкрепление. В это время на правом берегу Двины завязались основные бои. Именно туда французы начали перебрасывать части с левого берега реки, что устраняло помехи для приближающегося оттуда корпуса Штейнгеля.

Готовя наступления, французы начали выдвигаться.

Таким образом, небольшая отвлекающая диверсия постепенно превращалась в настоящее крупное сражение. Учитывая это, Витгенштейн направил в бой корпус. День прошел в постоянных атаках и контратаках укреплений Полоцка. На левом (восточном) берегу реки Полоты (притока Двины) французы атаковали основные силы Витгенштейна; на правом – авангард генерал-лейтенанта Яшвиля.

В этот день бой шел без существенного успеха какой-либо из сторон, но, учитывая наступательный характер действия русской армии, их потери превосходили французские. Воспользоваться помощью подошедшего Штейнгеля удалось только на следующий день. Именно под его напором вечером 7 (19) октября французы начали отступать. Заметив это, войска Витгенштейна открыли артиллерийский огонь по укреплениям Полоцка. На правом берегу отряды русских атаковали город с разных сторон, но на левом берегу корпус Штейнгеля был остановлен заслоном французов в 5 верстах от Полоцка.

Видя угрозу окружения, Сен-Сир приказал под покровом ночи начать отступление из Полоцка на левый берег Двины. Но уже в полночь начался штурм города, который продлился до 2 часов ночи 8 (20) октября. Необходимо учитывать, что за месяц относительного затишья в боевых действиях Полоцк был достаточно хорошо укреплен французами. Так, на севере

города были расположены 2 редута (до 24 орудий), за которыми в глубоком овраге протекала река Полога. На подступах также начали возводиться батареи и палисады, однако эти работы не были завершены.

Отступая, Сен-Сир сжег за собой мосты. При этом 2 тысячи баварцев, не успевших переправиться, попали в плен.

Утром 8 (20) октября боевые действия продолжались. В частности, Баварскому корпусу удалось сбить авангард Штейнгеля с занятых позиций и открыть путь к свободному отступлению. Тем временем Витгенштейн, ожидая постройки переправ через Двину, отправил на усиление Штейнгеля 12 000 солдат (командовал ими генерал-лейтенант Сазонов). Лишь после этого, переправившись на левый берег, он соединил все свои силы и начал преследование корпуса Сен-Сира.

Основными итогами Второго Полоцкого сражения было отступление Сен-Сира из Полоцка и захват Витгенштейном достаточно больших запасов фуража. А это впоследствии усугубило тяжелое положение французской армии во время отступления.

В рапорте императору Александру I Витгенштейн оценивал потери французов в этом сражении в 6 тысяч убитыми и ранеными (не учитывая около 2 тысяч пленных). Соответственно, согласно надписи на мраморной плите на стене Храма Христа Спасителя, потери русской армии составляли убитыми и ранеными около 8 000 солдат.

За успешное взятие Полоцка Витгенштейн был произведен царем в звание генерала от кавалерии. По сути, занятие города означало серьезную угрозу для коммуникаций Наполеона.

«Взять Россию за ноги»: Наполеон и Украина

«Лепет подвыпивших шляхтичей»: Наполеонида

Как известно, путь французской армии должен был пролегать через Польшу, где к ней присоединились бы польские войска, через Литву, Беларусь на Смоленск и Москву. Вместе с тем, перед походом Наполеон сказал: «Если я займу Киев, то этим я возьму Россию за ноги, если Петербург, то – за голову, а если Москву, то этим поражу Россию в сердце».

С началом военных действий Наполеона в России в ее украинских губерниях среди населения началось достаточно оживленное движение.

Как же украинская элита встретила весть о нашествии французов на Россию?

Украинская элита, по утверждению историка первой половины XX в. Наталии Полонской-Василенко, разделилась на два лагеря. Так, в лагере автономистов высказывали нескрываемую радость и надеялись, что с приходом французской армии будет введен Кодекс Наполеона, и, таким образом, Украина станет автономной, а вполне возможно и независимой. Известно, что в южной части Полтавщины, в Константиноградском уезде, помещик Я. Мочуловский, а в Переяславском – магнат В. Лукашевич пили за здоровье и победу Наполеона. При этом произносились тосты за республику в Пирятинском уезде. Однако современные историки считают, что описанные события имели место во время войны Четвертой коалиции против Наполеона (1806–1807 гг.), которая, как известно, проходила за границами Российской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.